

Глава 1.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА

В советской историографии тема труда при социализме всегда занимала почетное место. Написано огромное количество книг и статей о формировании новой трудовой дисциплины, о коммунистическом отношении к труду и его различных проявлениях: трудовых починах, ударничестве, социалистическом соревновании. Особенностью этих работ являлась героизация событий, сосредоточение внимания исключительно на позитивных моментах, упрощенный подход к оценке сложных, многомерных проблем. В силу политических и идеологических условий «темная сторона Луны», на которой находились различные формы внеэкономического принуждения разных слоев населения и их действительная мотивация, не исследовалась. Проблема принудительного труда трактовалась исключительно как вынужденная военными условиями мера.

В постперестроечное время, когда историки получили возможность перестать оглядываться на партийные указания и устремились к непривычно широко открывшимся архивам, появились интересные исследования с новых позиций. В частности, в уже упоминавшейся книге А.Ф. Киселева «Профсоюзы и советское государство» среди множества сюжетов о направлениях деятельности профсоюзов анализируются дискуссии партийных, хозяйственных и профсоюзных руководителей по применению трудовой повинности и показана скрытая сторона известных решений.

Каковы же теоретические представления о труде при социализме и их реализация на практике? Как использовался большевиками опыт преодоления кризисных ситуаций в экономике, накопленный воюющими странами?

Выработка экономического курса

В.И. Ленин неоднократно подчеркивал преимущество большевизма и марксизма. Как известно, краеугольным камнем марксизма является положение о ликвидации частной собственности на средства производства и переходе власти к самим производителям. Что касается сферы труда, то здесь декларировалась одинаковая обязательность труда для всех членов общества, образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства. Труд человека провозглашался мерилем его потребностей. Независимо от вида труда предполагалось предоставить равные условия «в смысле владения и потребления». Все эти меры были характерны, по замыслу основоположников марксизма, для первой стадии коммунистического общества.

«Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения общество уничтожит ныне существующее порабощение людей их собственными средствами производства, ...производительный труд из тяжкого бремени превратится в наслаждение»¹, — так представлялся характер труда уже в коммунистическом обществе. Наемный труд как преходящая и низшая форма должен был при коммунизме уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением².

Таким образом, теоретические представления марксизма об экономической программе построения социализма, в частности, в области организации труда, носили весьма общий характер. К тому же считалось, что социалистическая революция должна произойти одновременно во всех странах с высокоразвитой экономикой, т. е. исходный уровень для претворения социалистических задач предполагался совершенно иной, чем в России.

Ленин делал ставку на мировую революцию и создание «товарищеской экономики», рассчитывая таким образом компенсировать экономическую отсталость страны и малочисленность рабочего класса. (При населении 166 млн человек в 1917

году численность рабочего класса составляла 15 млн, по другим данным 18 млн)³.

Марксистский принцип обязательности труда был заменен формально близким по значению принципом принудительности. Всеобщая трудовая повинность провозглашалась в дореволюционных работах Ленина как единственная мера, способная в условиях военной разрухи «осуществить наибольшую экономию сил народного труда»⁴.

Осуществление на практике принудительного труда в период военного коммунизма соседствовало с принципом обязательности труда, сформулированным в знаменитом лозунге «кто не работает, тот не ест».

Еще одним отличием от классического марксизма являлось то, что принуждение рассматривалось в тесной связи с революционным насилием. Наиболее четко этот подход был сформулирован в середине 1920 года Н.И. Бухариным в книге «Экономика переходного периода». Специальная глава книги была посвящена роли революционного насилия в переходную эпоху. В ней говорилось, что разрушив оковы старого общества, революционное насилие создало новую форму — концентрированное насилие, воплощенное в государстве диктатуры пролетариата. В этом, по мнению Бухарина, проявляется созидательная роль насилия. Чем больше эта сила, тем короче переходный период.

«С другой стороны, это же «концентрированное насилие» отчасти обращается и вовнутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся»,⁵ — пишет Бухарин.

В отличие от марксистской теории Бухарин и, судя по заметкам на полях книги, Ленин считали возможным применение насилия не только по отношению к эксплуататорским классам, но и к полупролетарским слоям и к пролетариату. Причем, этот тезис, как будет показано ниже, активно воплощался на практике.

Экономическая политика большевиков рассматриваемого периода формировалась не только на основе доктринальных установок, но и была связана с российскими государствен-

ными традициями и деятельностью своих предшественников, царского и Временного правительств.

Экономический кризис, развивавшийся в странах-участницах I мировой войны, не только имел общую природу и картину проявления, но и объективно требовал примерно одинаковой схемы действий. Прежде всего, максимального усиления роли государства в производстве, в снабженческо-распределительной сфере, в мобилизации трудовых ресурсов. В рамках этой программы пыталось действовать и правительство царской России. Главными инструментами регулирования были выбраны государственные заказы, фиксированные цены, ограничение свободы торговли, введение хлебной разверстки для военных закупок. Временное правительство также было вынуждено начать свою деятельность с продовольственного вопроса. Законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства» вводилась монополия на хлеб⁶. Однако, непоследовательность и нерешительность в проведении всех этих мер привели к тому, что продовольственный кризис принимал все большие размеры, становясь важным политическим фактором в борьбе большевиков за власть. Как до февральской революции, так и позже при отказе крестьян сдать хлеб применялись меры принуждения, вплоть до вооруженной силы.

Временным правительством была также введена трудовая повинность для лесозаготовок. Прекращение заготовок, вывоза и сплава дров рассматривалось как уголовное деяние и виновные предавались суду⁷.

Каким виделся путь выхода из экономического кризиса оппозиции, партии большевиков? Еще находясь в эмиграции, в марте 1917 г. Ленин предлагал «...осуществлять правильно и быстро разверстку хлеба и др. припасов, проводить в жизнь «всеобщую трудовую повинность», которую французы называют теперь «гражданской мобилизацией», а немцы «обязанностью гражданской службы...»⁸. Осуществление этих мер предлагалось возложить на народную милицию, руководящая роль в которой, по мнению Ленина, обязательно будет принадлежать пролетариату. На Апрельской партийной конфе-

ренции в качестве практически назревших шагов к социализму были названы национализация земли, установление государственного контроля над банками, объединив их в единый центральный банк, а также над страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами (Продуголь, Продамет и т. п.), проведение всеобщей трудовой повинности. По мнению Ленина, все эти меры технически можно было осуществить немедленно, не дожидаясь перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям. Правда, возлагая их практическое проведение на советы депутатов, Ленин уже говорил о необходимости сознательного усвоения подавляющим большинством народа необходимости этих перемен, так что в итоге этот процесс никак не мог быть немедленным. Обращает на себя внимание и указание на то, что в регулировании своего собственного хозяйства через советы будут участвовать вооруженные массы рабочих и крестьян⁹.

Как видно из этой программы, предложения большевиков, с одной стороны, не выходили за рамки госкапитализма (за исключением требования о национализации земли) и, с другой, совпадали с теми мерами, которые выдвигались логикой экономического развития. Эти же меры назывались и Временным правительством, и партиями народников и меньшевиков. Отвечая на риторический вопрос, в чем же различие между большевизмом и капиталистами вместе с их политическими сторонниками, Ленин писал в мае 1917 г.: «...программу «ужасного» большевизма *приходится* признать, ибо иной программы выхода из действительно грозящего, действительно ужасного краха быть не может, но... но капиталисты «признают» эту программу (см. знаменитый § 3 декларации «нового» Временного правительства) *для того, чтобы не исполнять ее*. А народники и меньшевики «доверяют» капиталистам и учат народ этому губительному доверию»¹⁰.

Наиболее подробно ситуация экономического кризиса обсуждалась на VI съезде РСДРП(б), в августе 1917 г. В докладе В.П. Милютин об экономическом положении было констатировано, что катастрофа, о которой еще совсем недавно говорили как об угрозе, стала реальностью: финансовый крах с

перспективой отказа от платежей по займам, сокращение производства, расстройство железных дорог. Запас хлеба в Петрограде имелся всего на 10 дней, в других городах — не более чем на 20 дней. Положение с продовольствием было таково, что не исключалась перспектива голодных бунтов. Ответственность за сложившееся положение была возложена на Временное правительство, которое не приняло действенных мер в борьбе с хозяйственным развалом и потворствовало интересам предпринимателей. В финансовой области Временное правительство пошло только на увеличение поимущественного налога, не проводился контроль за производством, в области рабочего законодательства был разработан ряд законопроектов (биржи труда на паритетных началах, создание примирительных камер), но они не вносили ничего принципиально нового по сравнению с дореволюционным законодательством.

Исходя из того, что в ближайшее время у большевиков нет возможности получить государственную власть и проводить экономическую политику в интересах народных масс, Милютин делает вывод, что кто бы другой не осуществлял антикризисную политику будут неизбежны столкновения рабочих с властью. А задача большевиков превратить эти стихийные выступления в сознательное политическое движение против власти".

Доклад Милютина и предложенный по нему проект резолюции вызвали оживленное обсуждение. Дважды председатель ставил на голосование вопрос о закрытии прений и дважды он отклонялся большинством голосов.

Прежде всего, выступавшие говорили об изменении обстановки по сравнению с апрелем 1917 г., когда партией были выдвинуты лозунги рабочего контроля и всеобщей трудовой повинности. В ситуации, когда побеждает контрреволюция, — говорили делегаты, — эти меры могут проводиться только при условии завоевания власти большевистской партией.

Полемизуя с Милютиным, Н. Осинский (будущий левый коммунист и первый председатель Президиума ВСНХ) высказал мнение, что «к моменту торжества контрреволюции у буржуазии будут меры для борьбы с разрухой». В отличие

от Западной Европы, где с самого начала войны было гражданское перемирие, отечественная буржуазия не осмеливалась в обстановке классово-борьбы проводить непопулярные меры. Теперь же, получив власть, она «проведет всеобщую трудовую повинность в форме германской каторжной повинности. Поэтому сейчас нам даже опасно говорить об этом лозунге», — заявил Осинский¹². Против введения трудовой повинности до установления диктатуры пролетариата выступили многие делегаты. В ряде выступлений прозвучала мысль, что к трудовой повинности надо подходить с точки зрения, каким классом она вводится. Если буржуазией — это каторга для рабочих, если пролетариатом — это мера социалистическая. «Но, с другой стороны, не нужно закрывать глаза на то, что после революции замечается значительное понижение производительности труда... Нам придется усердно пропагандировать идею повышения производительности труда, если его плодами пользуется сам народ», — говорилось в выступлении СМ. Закса¹³. Вот так упрощенно, двумя красками рисовалась картина вроде бы еще не близкого будущего. Но это было последнее столь широкое обсуждение экономической ситуации, и положения, зафиксированные в резолюции съезда, стали по существу первой экономической программой после победы в Октябре 1917 г. В современной отечественной и зарубежной историографии доминирует мнение, что большевики пришли к власти, не имея продуманной экономической программы. В качестве доводов приводятся неразработанность экономического аспекта революции в марксизме, приоритет политических вопросов и неожиданность Февральской революции для большевиков. Не впадая в другую крайность, когда любой перечень мероприятий объявляется всеобъемлющим планом, заметим, что меры по предотвращению экономической катастрофы накануне революции содержатся во многих работах Ленина и партийных документах этого периода, указана их последовательность. Подробного плана с указанием точных сроков проведения тех или иных мер, конечно, не было и не могло быть, как, впрочем, не было и расписанного плана нэпа.

Реалии уже первых месяцев после прихода большевиков к власти потребовали срочного упорядочения анархической стихии, определения практических подходов к тем программным декларациям, которые провозглашались накануне. Такой план действий «по налаживанию правильной хозяйственной жизни страны» был обнародован В. Лениным в декабре 1917 г. на заседании Бюро ВСНХ. Участник этого заседания Н. Осинский назвал его «проектом всеобщей национализации производства». Ленин предлагал объявить собственностью государства все акционерные предприятия, оставив управление ими в руках бывших собственников, обязав их выполнять закон о рабочем контроле и предоставлять еженедельные отчеты местным советам. Устанавливался жесткий контроль над деньгами богатых. Лица богатых классов обязывались содержать все деньги в банках, получая на личные нужды 100-125 руб. в неделю, для производственных нужд — по удостоверениям органов рабочего контроля.

В проекте был определен «денежный эквивалент» тех, кого следовало относить к богатым классам: собственность на сумму свыше 5 тыс. руб. или доход свыше 500 руб. в месяц. (В сохранившемся черновом наброске указывалась более высокая сумма стоимости недвижимости — свыше 25 тыс. руб.)¹⁴ Надо заметить, что указанный Лениным ежемесячный доход, пользуясь современной терминологией, скорее был характерен для среднего класса. Например, заработок знаменитого актера В.И. Качалова доходил до 1 тыс. в месяц.

В проекте предусматривалось аннулирование внешних и внутренних займов, прикрепление всех граждан к потребительским обществам, осуществление чрезвычайных мер для подвоза продовольствия и топлива. На железнодорожные союзы и местные советы возлагалась борьба с мешочничеством. В сфере организации труда вводилась всеобщая трудовая повинность для граждан с 16 до 55 лет. В качестве первого шага по реализации трудовой повинности предлагалось ввести потребительско-рабочие или бюджетно-рабочие книжки, в которых еженедельно должны быть отметки о выполнении работ. «Иначе — враги народа», — добавлено в черновых

набросках Ленина, а в качестве наказания — «отправка на фронт, принудительные работы»¹⁵. (Как будто трудовая повинность — уже не принуждение.) Перед рабочими и служащим национализированных предприятий ставилась задача укрепления дисциплины и повышения производительности труда под угрозой революционного суда. Таким образом, одним декретом предлагались решительные действия почти во всех хозяйственных сферах.

Бюро ВСНХ отклонило этот проект. Конкретные доводы, высказанные на заседании остались неизвестны (его протокол не сохранился), но, очевидно, что даже левые коммунисты во главе с Н. Осинским, составлявшие большинство в руководстве ВСНХ, не поддержали предложенных стремительных темпов строительства социализма. В связи с этим трудно понять логику Ленина, который весной 1918 г. говорил о том, что в предыдущие месяцы чересчур увлекались национализацией.

Вполне возможно, что направляя свой проект в ВСНХ, Ленин предполагал произвести разведку боем, рассчитывая в зависимости от реакции определиться со сроками проведения включенных в него мер. Во всяком случае, все эти меры по отдельности были воплощены на практике в течение 1918 года.

Весной 1918 года Ленин вновь возвращается к вопросам организации труда. 27 марта и 1 апреля на заседаниях Президиума ВСНХ с участием Ленина обсуждается вопрос о трудовой повинности и трудовой дисциплине. В ходе обсуждения проекта Совета профсоюзов о трудовой дисциплине он предлагает ряд конкретных мер: установить сдельную оплату труда по возможности для всех производств, использовать систему Тейлора для поднятия производительности труда, публиковать отчеты о производительности труда на отдельных предприятиях, устроить группы контролеров из представителей различных профессий с привлечением инженеров, бухгалтеров, крестьян. По мнению Ленина, карательные меры за несоблюдение трудовой дисциплины должны были быть строже, чем при капитализме, вплоть до тюремного заключения¹⁶.

Законодательное закрепление положение о всеобщей трудовой повинности получило в Кодексе законов о труде 1918

г. Трудовой повинности подлежали все граждане в возрасте от 16 до 50 лет (а не 55-ти, как в проекте декрета, обсуждавшемся в ВСНХ), за исключением потерявших трудоспособность вследствие несчастного случая или болезни.

Государство стремилось взять под контроль и подчинить себе сложившийся рынок труда, устанавливая жесткие правила для обеих сторон: рабочей силы и работодателя. С начала 1918 г. во всех городах с населением не менее 20 тыс. человек были организованы биржи труда. В управлении биржами сначала принимали участие и предприниматели, но затем они были вытеснены. Биржи собирали информацию о вакансиях, в обязательном порядке предоставляемую предприятиями, и регистрировали всех безработных. Причем, зарегистрированные посылались на предприятия в порядке очереди, без права предприятий самостоятельно брать на работу кого-либо.

Ситуация с рабочей силой довольно быстро менялась. В первой половине 1918 г. из-за массовой демобилизации, закрытия многих фабрик и заводов, перехода части из них на выпуск мирной продукции предложение значительно превышало спрос. Кроме того, на территории России находились иностранные рабочие азиатского происхождения: китайцы, корейцы, персы. Их труд как наиболее дешевый традиционно использовался в дореволюционное время. По сведениям отдела желтого труда, существовавшего в Наркомтруде, весной 1918 г. их насчитывалось около 10 тысяч. К различным работам были привлечены и около 4 тыс. военнопленных¹⁷. По данным 72 бирж труда с января по апрель по всем группам производства было зарегистрировано 342 448 безработных и 109 582 вакансий, на работу было послано 85 782 человека. Таким образом, на каждые 100 безработных приходилось 32 места¹⁸. Только на Петроградской бирже на 28 марта 1918 г. числилось 27 396 безработных (по мнению Петроградского совета профсоюзов, это лишь треть от действительного количества): в январе — 13 298, в феврале — 8 787 человек. При этом опрос на рабочую силу в феврале составлял 2 840 человек, в марте — 3 387. Биржа труда выдавала также разрешения на выезд. Всего было выдано 34 979 билетов, из них 16 978 для членов

семей безработных. Наибольшее число выехало в Архангельскую (1 702 чел.), Новгородскую (2 840) и Псковскую губернии (около 8 тыс.)¹⁹.

По решению II съезда комиссаров труда, состоявшегося в мае 1918 г., функция перераспределения рабочей силы была возложена на организованный отделом рынка труда подотдел обмена излишками и распределения рабочей силы. Это был центральный орган, направлявший заявки в свои районные пункты. Так, с начала сентября по конец декабря 1918 г. в подотдел обмена поступило требований на 16 714 рабочих, в том числе требование на 1 750 человек для уральских заводов. Его выполнение было поручено Московскому райотделу обмена, который отправил за три недели 456 человек. В связи с военными событиями оставшаяся часть задания не была выполнена. Для Ижевских и Боткинских заводов, направивших требование на 5 тыс. рабочих, 11 отделами других районов было уже собрано нужное количество рабочих, но по той же причине отправка была приостановлена²⁰. Часть требований не удовлетворялась из-за отсутствия средств передвижения и продуктов.

Сложившаяся система распределительных органов получила юридическое оформление в Положении об органах учета и распределения рабочей силы от 3 мая 1919 г. и к середине 1919 г. их насчитывалось свыше 300²¹.

Безработица была не только объективным следствием разрушительных воздействий на экономику войны и революции, но и была связана с некомпетентностью, непродуманностью решений новой власти. Так, Д. Рязанов считал, что безработица в Петрограде была отчасти вызвана паникой и бегством властей. Еще до образования Центроколлегии по эвакуации и разгрузке Петрограда (председатель А.Г. Шляпников) часть заводов уже была разрушена. Главное артиллерийское управление в целях «обезвреживания» промышленности приказало вывозить станки по частям. В случае невозможности вывоза было распоряжение ломать и подкладывать под них фугасы.

Во второй половине 1918 г. из-за ухода рабочих в деревню и последствий военных действий в некоторых отраслях про-

мышленности (деревообрабатывающей, строительной, транспортной, горнодобывающей) стал ощущаться недостаток рабочих рук. Так, в Арзамасском уезде Нижегородской губернии для работ в уезде не смогли найти 150 плотников и 200 мостовщиков. Тогда как до революции этот уезд являлся крупным центром отхожих промыслов строительных рабочих. Известно, что в 1914 г. около 12 тыс. его жителей ходили на заработки до Иркутска и дальше²².

Начиная с 1919 г. все больше нарастает потребность предприятий в рабочей силе. По данным отделов учета и распределения рабочей силы на 100 безработных приходилось мест: в январе — 92,1; в феврале — 102,7; в марте — 101,8; в апреле — 126,2; в мае — 101,8; в июне — 116,1; в июле — 150,8; в августе — 107,0. По данным за 1920 г. на 100 безработных приходилось 167,8 мест²³. Провинциальные фабрики и заводы, как правило, вообще не работали в период сельхозработ из-за ухода рабочих в деревню.

«Служащие берут отпуска и во время отпусков отправляются в деревню в качестве поденных рабочих, где работают у крестьян на полях и ежедневно зарабатывают больше, чем получают жалованья за месяц, получают за свою работу плату мукой и прочими продуктами», — сообщалось в информационной сводке Пензенской губчека²⁴.

В связи с массовым бегством рабочих и служащих в деревню исполком Петроградского совета рассматривал весной 1919 г. возможность прикрепления рабочих и служащих к их месту работы. В июле этого же года Совнарком обсудил проект практической регистрации поступления и увольнения советских служащих, представленный П.И. Поповым.

«Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский»²⁵, — так оценивал ситуацию в производстве сторонник научной организации труда А.К. Гастев. Повсеместно упала производительность труда. Прогулы достигали 50% от рабочего времени, распространились хищения. «Для части рабочих кражи тканей — промысел и средстве, к существованию»

— сообщалось Смоленской губчека об итогах обысков на Ярцевской ткацкой фабрике. При выносе с фабрики было задержано 5 пудов краденной пряжи и 150 аршин суровых тканей, а в цехах под станками было найдено еще около 300 аршин тканей и 10 пудов пряжи²⁶. По подсчетам С.Г. Струмилина, реальный заработок рабочего в течение трех лет — с 1919 по 1921 г. держался на уровне 30% от довоенного²⁷. Пополнение его таким нелегальным способом позволяло как-то сводить концы с концами.

В 1917-19 гг. по всей цензовой промышленности валовая продукция на одного рабочего в год уменьшилась в 2 раза, а в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — в 4,5 раза. Главной причиной лавинообразности этих процессов являлось резкое падение уровня жизни рабочих, вплоть до настоящего голода. Если в 1914 году стоимость обычного для петроградского чернорабочего набора продовольствия составляла 26,1 коп., в 1916 году — 41 коп., в 1917 г. — 85,8 коп., то в 1918 г. с учетом покупки большей части продуктов на вольном рынке в среднем получались затраты в 20,5 руб. Средняя заработная плата в день за этот же период росла следующим образом: в 1914 г. — 1 руб. 7 коп., в 1915 г. — 1 руб. 38 коп., в 1916 г. — 2 руб. 94 коп., в 1917 г. — 5 руб. 33 коп., в 1918 г. — 11 руб. 20 коп. В Москве дневная заработная плата увеличилась с мая 1916 г. по январь 1918 г. с 2 руб. 75 коп. до 9 руб. А цены к апрелю 1918 г. выросли на 898%²⁸. Таким образом, заработная плата не обеспечивала питание даже самого работающего, не говоря о членах его семьи и других нуждах. Аналогичная ситуация была характерна и для других городов.

Отмечая значительное ухудшение материального, положения рабочих к середине 1918 года, нарком труда В.П. Ногин подчеркивал: "...Надо совершенно определенно и ясно сказать, что это ухудшение произошло за последнее время, т. е. тогда, когда политическая власть была в руках рабочих"²⁹. По его мнению, чтобы достичь повышения производительности труда, обеспечить прожиточный минимум рабочим, нужно было перейти от денежной оплаты труда к оплате продуктами

Началом такого перехода являлась выдача продуктов по карточкам. Карточная система распределения продуктов не была «изобретением» большевиков. Она ведет свое начало с августа 1916 г., когда в Москве начали распределять сахар по карточкам. Выдача хлеба по карточной системе началась лишь с момента Февральской революции, с 1 марта 1917 г. По мере нарастания продовольственного кризиса по карточкам стали распределяться все новые и новые продукты. Размер продовольственного пайка, выдававшегося по карточкам в августе 1917 г., по сравнению с послеоктябрьской действительностью, кажется сказкой: 1,5 ф. хлеба в день; 2,5 ф. сахара, 0,5 ф. крупы, 1,5 ф. жиров, 2 ф. мяса и т. д. в месяц³⁰. В такой ситуации на VI съезде РКП(б), проходившем в это время, говорилось о надвигающейся голодной революции. Для сравнения приведем нормы «усиленного забронированного пайка», на который с декабря 1919 г. были переведены рабочие группы оборонных заводов (всего 661 тыс. рабочих). Паек делился на три категории, в зависимости от продолжительности рабочего дня: 12 часов, 11 и 10 часов. По первой категории выдавалось 1,5 ф. хлеба и 60 золотников овощей ежедневно, по третьей — 1 ф. хлеба и 48 золотников овощей³¹. На практике эти нормы в большинстве случаев не выполнялись. «...Где нет снабжения без перебоя, где рабочие не уверены в том, что завтра его семья получит хлеб, он обеспечивает себя и семью тем, что достает продовольствие везде и где угодно. Этим определяется невероятно высокий процент прогулов на фабриках, где нерегулярно получается хлеб. Есть большие заводы, где прогулы достигают 40 и даже 50%»,³² — говорилось в выступлении А.И. Рыкова в конце 1920 г.

Соотношение между продовольственным пайком и зарплатой, сложившееся к осени 1920 г., было в юмористической форме изображено в одном из парижских журналов в виде двух объявлений: «Продается изящная карманная коробочка для хранения месячного продовольственного пайка». «Ново! Удобно! Поместительная тачка с небольшим мотором для перевозки денег»³³

В прямой зависимости от скудного продовольственного снабжения находился и уровень производительности труда. По данным бюджетных обследований, проводившихся в дореволюционной России, средняя суточная норма питания взрослого городского рабочего равнялась 3820 калорий. К началу 1919 г. она упала до 2680 калорий, т. е. на 30%. К началу 1920 г., по данным ЦСУ, питание рабочих несколько улучшилось и суточная норма составила 2980 калорий. Вычтя из этих показателей величину физиологической нормы (2 тыс. калорий), С.Г. Струмилин получил данные, что только вследствие недоедания производительность труда в 1919-1920 гг. должна была понизиться на 54%, а с учетом ряда показателей и того больше. Фактически же часовая выработка понизилась на 33-36%. «Это значит, что в общем и целом, наш пролетариат работает даже лучше, чем ему позволяет его питание, работает за счет своих запасов здоровья, работает, постепенно истощая свой организм»,³⁴ — делает вывод С.Г. Струмилин.

Падение заработной платы и жизненного уровня населения во многом было связано с объективными экономическими условиями, сложившимися после окончания 1 мировой войны. Не только в побежденной Германии, но и в странах-победительницах реальный уровень оплаты труда также упал более чем на 30%³⁵. Но положение населения России продолжало ухудшаться под влиянием революции и гражданской войны, когда все имевшиеся ресурсы направлялись для армии. А разжигание классовой ненависти приводило все к новым жертвам и углублению экономической разрухи.

Борьба за трудовую дисциплину

Уравнительность заработной платы, невозможность прожить на нее не создавали у рабочих заинтересованности в своем труде. Отсутствие экономических стимулов не могло постоянно компенсироваться революционной романтикой. Правила внутреннего распорядка, принимавшиеся на национализированных предприятиях в первые месяцы после революции, не оказали заметного влияния на укрепление трудовой

дисциплины. Старая дисциплина труда рухнула вместе со всем дореволюционным укладом жизни, а для создания новой государство пошло по пути запугивания и принуждения.

Надо сказать, что у некоторых большевистских лидеров появлялось ощущение, что не все правильно в их действиях. Так, на экстренном совещании членов Президиума ВСНХ, руководителей главков и профсоюзов, созванном в октябре 1919 г. в связи с наступлением А.И. Деникина, А. Ломов назвал хозяйственную политику «государственным хищничеством и спекуляцией», а А.И. Рыков высказал мнение, что «кризис, переживаемый нами, есть кризис всей финансово-экономической организации Советской власти. Если бы Деникин теперь был не у стен Москвы, а далеко за Харьковом, кризис был бы также ярко выражен»³⁶.

В.И. Ленин неоднократно высказывался за введение «самых решительных и драконовских мер поднятия дисциплины и самодисциплины рабочих и крестьян», за создание специальных промышленных судов. А в тезисах по текущему моменту, написанных им в связи с проведением хлебной монополии, специальный пункт гласил: «Вести расстрел за недисциплину». В понимании Ленина задача установления трудовой дисциплины была тождественна установлению трудовой повинности. Отличием ее от трудовой повинности в применении к богатым являлось лишь то, что не было необходимости регистрировать представителей трудящихся, так как труд — единственный источник их дохода³⁷.

Под эгидой профсоюзов создавалась специальная система органов, призванных действовать внутри рабочей массы, добиваться соблюдения трудовой дисциплины и поднятия производительности труда. Весной и летом 1918 года возникли первые рабочие дисциплинарные суды. Они имели право вынести выговор, перевести на работу низшей категории, объявить бойкот, уволить с фабрики. Налагаемые наказания в незначительной степени носили морально-воспитательный характер. Так, в зависимости от степени вины выговор мог быть объявлен на собрании профкома, на общем собрании всего предприятия или опубликован в печати. Увольнение как мера наказания

могло быть применено на различные сроки (от 3 дней до 3 месяцев) с сохранением места, применялось увольнение без сохранения места, увольнение с объявлением в печати и сообщением во все рабочие организации препятствовать поступлению уволенного на другие предприятия города и окрестностей. В качестве наказания использовалось и временное исключение из профсоюза или бессрочное с объявлением в печати³⁸. Фактов нарушений дисциплины было такое количество, что мог пройти год, прежде чем нарушитель получал свое наказание. К тому же организация этих судов не была обязательной и поэтому не охватывала всех предприятий.

Осенью 1919 г. ВСНХ и ВЦСПС было разработано новое положение о дисциплинарных судах, принятое Совнаркомом 14 ноября 1919 г.³⁹. Среди прочих мер наказания дисциплинарные суды получили право направлять в концлагерь. Именно этот пункт вызвал наибольшие споры при обсуждении проекта на пленуме ВЦСПС 30 октября. Один из выступавших так обосновывал необходимость этой меры: «Мы дурные элементы садим в концлагерь. Мы должны сказать рабочему, что ты до тех пор рабочий, пока дисциплинирован. С момента, как он перестает быть рабочим, с ним покончены расчеты. Здесь ничто нас удерживать не должно. Нечего прятаться»⁴⁰.

Прозвучал и такой аргумент, что не время думать о морали, а надо драконовскими мерами наказания с помощью профсоюзов и партийных органов обеспечить проведение 12-часового рабочего дня. Против применения направления в концлагерь как меры наказания высказался Д.Б. Рязанов. По его мнению, профсоюзы не должны были подменять судебные органы. Единственным противником принятия этого проекта в целом был Б. Козелев. Он заявил, что принятие положения нанесет удар по авторитету профсоюзов, потому что такие меры могли применяться только при капитализме, а в сложившихся условиях дисциплинарными судами производительность труда не поднять.

Продолжавшаяся гражданская война, военные и трудовые мобилизации, малочисленность профработников привели

к тому, что процесс организации судов растянулся на многие месяцы. Спустя год после принятия положения от 14 ноября 1919 года организация дисциплинарных судов во многих губерниях была далека от завершения. А действующие суды, как, например, в Томской губернии, «не в достаточной мере прониклись пониманием задач, перед ними стоящими»⁴¹. Но были и первые успехи. Так, через дисциплинарные суды профсоюза металлистов Рыбинского района к июню 1920 года прошло 800 человек, из которых около 20 человек были привлечены к строгому наказанию⁴². По мнению профработников, этими мерами удалось уменьшить число прогулов среди металлистов.

В целом деятельность дисциплинарных судов из-за медлительности в их организации, а главное под влиянием кризисных явлений в профдвижении, оказалась малозаметной. И хотя ЦК отраслевых профсоюзов постоянно получали информацию с мест и на всех своих съездах говорили о роли дисциплинарных судов в налаживании трудовой дисциплины, но конкретных результатов так и не было обнаружено.

«Дисциплинарные суды мы все забыли», — заявил Ленин в выступлении на объединенном заседании фракций VIII съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС 30 декабря 1920 г. Напомнили о них тезисы доклада Я.Э. Рудзутака, написанные к V профконференции, уже после упоминавшегося выше обсуждения проекта положения о дисциплинарных судах. В тезисах говорилось, в частности, о необходимости профсоюзам взять в свои руки борьбу с трудовым дезертирством (прогулами, опозданиями), превратив дисциплинарные суды в действенное средство в этой борьбе. «Когда я прочитал в тезисах т. Рудзутака о дисциплинарных судах, я подумал: наверное, уже есть декрет об этом. И оказалось, что декрет есть»⁴³. По этому поводу Л.Троцкий пошутил: «Ленин вспомнил о главном стороннике демократии — о дисциплинарных судах»⁴⁴

На практике борьба за трудовую дисциплину велась более жесткими методами, на которые профсоюзы, как демократические организации, были не способны. Ее проводили военные органы, устанавливавшие свои правила на милитаризованных предприятиях. Так, в качестве меры повышения тру-

довой дисциплины съезд политкомиссаров Подмосковского угольного бассейна, состоявшийся в декабре 1920 г., принял решение выдавать продовольственные пайки только тем рабочим, у которых выполнена норма выхода. В соответствии с этим решением Управлением Бобриковских копей был издан приказ, которым до сведения забойщиков доводилось, «что для них обязательны и норма выходов и норма производительности одновременно, и если будет выполнена норма производительности, но не будет хватать хотя бы одного дня до нормы выходов, паек выдаваться ни в коем случае не будет»⁴⁵. А в ответ на протесты со стороны отделения союза горнорабочих рудоуправлением было сообщено, что издание приказа вызвано неспособностью дисциплинарного суда привлечь к ответственности прогульщиков. Кроме того, было заявлено, что выдавать пайки неработающим рудоуправление считает преступлением против Кодекса законов о труде, а в издании приказа видит пока единственный способ борьбы с прогулами.

Еще одним фактором, позволявшим поддерживать трудовую дисциплину пока шли военные действия, являлась боязнь военнообязанных быть уволенными с милитаризованных предприятий.

Чрезвычайные меры на транспорте

С конца 1918 года началась милитаризация отдельных отраслей, работающих на военные нужды. Первыми принудительные меры организации работы были испробованы на железнодорожном транспорте. Декретом СНК от 28 ноября 1918 г. он был переведен на военное положение, а железнодорожники объявлены мобилизованными, оставаясь на своих местах.

В феврале 1919 г. для политического руководства и проведения партийной линии на транспорте в качестве временного органа был учрежден Главполитпуть (Главный политический отдел НКПС), работавший непосредственно под руководством ЦК РКП(б). Это был чрезвычайный орган, подчинивший работу транспорта всецело задачам военного времени.

Партийное руководство на местах осуществлялось через политотделы дорог, участков и т. д., имевших права партийных организаций. Главной фигурой, обладавшей огромной властью, становится фигура политкомиссара. По сети железных дорог действовали около 3 тысяч комиссаров. «И на каждые 4 вагона, которые грузятся в течение суток, имеется комиссар», — не без ехидства говорил А.И. Рыков. Сначала их деятельность сочеталась с работой профсоюзно-общественных органов. 17 апреля 1919 г. на железных дорогах были созданы дисциплинарные железнодорожные суды⁴⁶. Они были правомочны наказывать за прогулы, исполнение в рабочее время частных заказов, за фиктивные заболевания.

Пока шла организация дисциплинарных железнодорожных судов некоторые руководители проявляли собственную инициативу в борьбе с прогулами. Так, Управлением Сызрано-Вяземской железной дороги, в цехах и службах которой прогулы доходили до 50%, в июле 1919 г. были организованы бюро по борьбе с прогулами. «Помня, что железные дороги тот же самый фронт, где должна быть также революционная дисциплина», управление предписало всем комиссарам, районным и участковым транспортным ЧК, местным профсоюзным органам срочно организовать из собственного состава участковые бюро по борьбе с прогулами⁴⁷. Было объявлено, что отныне прогульщики будут наказываться арестом и отправкой на месяц в концлагерь с обязательной ежедневной трудовой повинностью и объявлением фамилии для всеобщего сведения. Такая же мера наказания ожидала врачебный персонал за выдачу фиктивных бюллетеней и отпусков по болезни. Надо отметить, что борьба с отпусками по болезни была развернута самым серьезным образом по всей сети дорог. Всем комиссарам и политотделам специальным циркуляром было предписано направлять сомнительных больных для переосвидетельствования ни куда-нибудь, а в особый отдел ВЧК.

А в соответствии с Временными правилами об отпусках по болезни железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих, опубликованных 24 июля 1919 г, отпуск по болезни предоставлялся специальной комиссией. В ее состав, кроме двух

врачей, входили также представитель профсоюза, однородной профессии с освидетельствуемым, а также представитель администрации. Совершенно очевидно, что при таком составе мнение «буржуазных спецов» не играло решающей роли, а отстаивание его могло стоить жизни. А вот как на практике осуществлялась работа врачей: «во всех приемных покоях и при врачах поставлен контроль сознательных товарищей, которые парализуют прогулы и шкурничество», — сообщалось с Волго-Бугульминской дороги⁴⁸.

Уже в начале августа «инициатива» Сызрань-Вяземской дороги была обсуждена руководством Всепрофсожа (Всеобщего профсоюза рабочих и служащих железнодорожного транспорта) и получила резко отрицательную оценку. «...Созданием временного бюро с карательными функциями коренным образом нарушаются положения как о народном суде, так и железнодорожных дисциплинарных судах, - отмечалось в отношении, направленном политкомиссару дороги (копии - в Наркомпуть, Главполитпуть, ВЧК, Учкпрофсожу Сызрано-Вяземской дороги). Такого рода посягательство на компетенцию нормальных органов правосудия и создание чрезвычайных судилищ могло иметь место единственно при том условии, если бы с неопровержимостью было доказано, что ни народные, ни дисциплинарные суды не справляются с лежащими на них задачами и проявляют свою несостоятельность»⁴⁹. Данные поступавшие с мест, по мнению профсоюзного руководства, свидетельствовали о том, что железнодорожные дисциплинарные суды вполне дееспособны и выполняют свои задачи. Положительная оценка их деятельности, данная ВЦСПС, являлась, кстати, одним из доводов в пользу организации дисциплинарных судов в промышленности.

Осталось неизвестным, что послужило причиной тому, но еще до получения протеста Всепрофсожа, бюро по борьбе с прогулами были распущены. Правда, идея создания дополнительных органов к уже имеющимся была очень живуча. Так, в марте 1920 г. специальные комиссии по борьбе с прогулами были организованы на Московско-Казанской железной дороге⁵⁰.

Более серьезные проступки рассматривались реввоенжелдортрибуналами, созданными в соответствии с постановлением от 15 декабря 1919 г. при каждом управлении железной дороги⁵¹. Под трибунал отдавали не только за дисциплинарные проступки (прогулы, неисполнение приказа вышестоящего начальника и т. п.), но и за сугубо производственные нарушения: плохая сцепка вагонов, неполное использование мощности паровозов и т. п.

В ряду наиболее массовых и неискоренимых в связи с тяжелым положением с продовольствием «преступлений» являлся провоз продуктов. Например, за провоз в багажном вагоне нормированных и ненормированных продуктов группа багажных артельщиков была признана виновными в корыстном использовании желдортранспорта и приговорены к общественным принудительным работам на один год⁵². Отметим, что в период гражданской войны все составы, в том числе и особые литерные, в обязательном порядке осматривались для выявления продуктов, провозимых сверх разрешенных норм. Нередки были случаи, когда ответственные работники, гражданские и военные, не разрешали осматривать свои вагоны, оскорбляли и угрожали оружием контролерам из заградительных отрядов, а иногда и арестовывали их, как, например, Н. Осинский. Для освобождения арестованных им сотрудников транспортной ЧК понадобилось вмешательство Дзержинского. Такое поведение было вызвано тем, что «хозяева» вагонов везли продукты вне всяких норм, беззастенчиво пользуясь своим служебным положением. Так, несмотря на сопротивление со стороны члена РВС СИ. Гусева, был произведен осмотр его поезда на ст. Хоботово 20 марта 1920 г. Около колес были найдены окорока, а в вагоне корзина со спиртными напитками, мука, сельди и множество других продуктов⁵³.

Еще более вопиющий случай произошел на ст. Воронеж в мае 1920 г. Перед Пасхой, в то самое время, когда у рабочих заградительные отряды отбирали соль свыше 2-3 фунтов и яйца свыше 3-4 десятков, штабом 2-й трудовым были привезены ящики вина, закуски, белая мука. Для того, чтобы все это ввезти в город без огласки было сделано распоряжение о

снятии заградительного отряда, но по роковой случайности оно запоздало. И в момент выгрузки перед пятью подводами с продуктами появился заградительный отряд, а вскоре подошли чекисты. Но перед усиленным вооруженным конвоем, сопровождавшим подводы, они были бессильны⁵⁴.

А вот как происходило празднование Пасхи в экстренном поезде члена Президиума ВСНХ, специалиста в области железнодорожного транспорта Ю.В. Ломоносова. Специальное лицо оповестило всех едущих в поезде, что в момент наступления Пасхи будет салют из пулеметов, третьим салютом все приглашались к столу. «Не буду описывать обед, - сообщил очевидец, - скажу лишь, что такие обеды были редки даже в давние времена»⁵⁵. Слух обедающих услаждался игрой на гитарах, балалайках и хроматической гармонии. Многие из подобных фактов рассматривались на заседаниях Оргбюро ЦК партии. В конце концов Оргбюро постановило запретить осматривать поезда ответственных работников.

О том, что облик борцов за социализм был далеко не безупречен есть также документальное свидетельство Л. Мартова. В письме Щупаку от 15 декабря 1920 г. он «порядочно отделал» видных большевистских лидеров Л.Б. Каменева, К.Б. Радека, А.И. Рыкова, М.П. Томского, А.Г. Шляпникова, братьев Садуль за то, что они питались несоразмерно со своими нормальными пайками. Похвалу за скромность в этом же письме получили Н.И. Бухарин, А.И. Балабанова и Г.В. Чичерин⁵⁶.

В начале 1920 г. на железных дорогах сложилось критическое положение с топливом. О топливном кризисе сообщалось с Рязано-Уральской, Омской, Самаро-Златоустинской и других дорог. Причем там, где дрова были заготовлены, не было подвижного состава. На участке Эмба—Оренбург, например, поезда не двигались из-за отсутствия топлива, а на участке Оренбург-Самара из-за его избытка. «В то время, как в Оренбурге сожжено 20 тысяч новых шпал, в шести верстах от Оренбурга находится несколько составов поездов с дровами»,⁵⁷ — сообщалось в феврале 1920 г. в Главполитпуть В Сибири движение важнейших продовольственных маршрутов срывалось не только отсутствием топлива и снежными

заносами, но и тем, что по дороге непрерывной лентой на протяжении сотни верст двигались составы вагонов и паровозов, захваченные у Колчака. В середине февраля здесь застряли около 2 млн. пудов хлеба и 4 млн. пудов соли⁵⁸.

Рабочие-железнодорожники любыми путями старались избавиться от своей службы, зачастую выбирая из двух зол меньшее: не возвращались из отпусков, пытаясь закрепиться на какой-нибудь работе в родных местах. Но очень часто их возвращали назад как военномобилизованных и подвергали наказаниям. Так, токарь депо Александровской железной дороги П. Тягунов, пользуясь бюллетенем, самовольно уехал в деревню и устроился в волсовет, но волсовет был обязан получить разрешение с прежнего места службы и направил запрос в депо. Беглец за 272 часа отлучки был приговорен трибуналом к принудительным работам по месту службы на 68 дней, ежедневно работая на час дольше, чем остальные рабочие. На Самаро-Златоустинской дороге железнодорожники были доведены до такого положения, что специально совершали преступления, чтобы попасть на принудительные общественные работы на Колтуновские разработки топлива. Там помимо снабжения продовольствием еще платили по 200 руб. за распиловку I сажени дров⁵⁹. Только за три летних месяца 1920 г. Доркомпутъдезертир (дорожная комиссия по борьбе с труд-дезертирством на транспорте) этой дороги рассмотрел 385 дел в отношении 1196 дезертиров⁶⁰.

Критическое положение с перевозками и состоянием подвижного состава, нараставшее из месяца в месяц, забастовки, массовые прогулы, неподчинение приказам сопровождалось усилением карательной политики и военных методов организации работ. Работа дисциплинарных судов в этих условиях оказалась ненужной и влекла за собой конфликты профсоюза с административным аппаратом. Поэтому наркомпутъ Л.Б. Красин и начглавполитпутъ А.П. Розенгольц направили 2 февраля 1920 г. письмо в Совет Обороны с предложением упразднить на железных дорогах дисциплинарные суды и возложить производство дисциплинарных взысканий на комисса-

ров и техническую администрацию дорог. 9 февраля такое постановление было принято⁶¹.

Практическая реализация этого постановления осуществлялась уже новым наркомом. Взамен уехавшего в Лондон Л.Б. Красина временно исполнять обязанности наркомпути был назначен Л.Д. Троцкий. В его специальном циркуляре «О производстве расследований по должностным преступлениям» говорилось: «В отношении возбуждения как дисциплинарных, так и судебного преследования против железнодорожных служащих и рабочих полномочным хозяином дела являются комиссары и лица технической администрации железных дорог»⁶². Аресты со стороны ТО ВЧК могли производиться только с согласия комиссара района, комиссара дороги и члена коллегии НКПС. Единственным исключением являлся захват чекистами на месте серьезных служебных преступлений, но и в этом случае комиссар НКПС имел право изменить меру пресечения.

О том, насколько широкими полномочиями обладал политкомиссар дороги, свидетельствуют действия дорполита Александровской дороги. В связи с агитацией меньшевиков и эсеров против трудовой повинности он предложил райполитам Вязьмы, Смоленска, Орши и Ржева установить по всем службам и железнодорожным мастерским тайный контроль за агитаторами и совместно со всеми учреждениями, в том числе ТО ЧК производить необходимые аресты на квартирах⁶³. Следует отметить, что среди комиссаров были сторонники и других методов воздействия на железнодорожников. «Лица, стоящие на ответственных постах, - сообщалось комиссаром Кудрявцевым из Воронежа, - вносят вместо организации только дезорганизацию транспорта и ими до того терроризированы технические руководители, что им ничего не остается делать, как саботировать или бежать к Деникину. Для борьбы с этим злом необходима присылка опытных и сознательных сотрудников»⁶⁴.

Интересное видение кадровой ситуации в свете постановления от 9 февраля зафиксировано в циркуляре начглавполитпути. Отмечая отсутствие людей, борющихся «по-революционному» с саботажем и преступлениями, А.П. Розенгольц

писал: «Замечаю на железных дорогах стремление репрессивные мероприятия заменить бумажной перепиской и длиннейшими расследованиями, это нужно пресечь»⁶⁵

16 марта 1920 г. приказом наркома были отменены отпуска рабочих и служащих железных дорог впредь до особого распоряжения. Следующим шагом по пути удержания железнодорожников на рабочих местах явилось учреждение 28 апреля центральной, районных и дорожных комиссий по борьбе с трудовым дезертирством на транспорте⁶⁶. Комиссии приговаривали к аресту, направляли в штрафные команды, передавали дела на рассмотрение трибуналов. Знаменитый дом Готье в Москве - «главная» тюрьма НКПС, находившаяся на Рязанской ул., дом 12, и тюрьмы по всем дорогам никогда не пустовали.

По решению VIII съезда партии в течение лета 1919 года была проведена всероссийская перерегистрация членов партии. В результате избавления от «примазавшихся элементов» численность РКП(б) сократилась вдвое, но в ходе партийных недель произошло почти трехкратное увеличение партийных рядов. Быстрыми темпами происходило увеличение и числа коммунистов на железнодорожном транспорте. Так, в декабре 1919 г. железнодорожные парторганизации насчитывали около 10 тыс. коммунистов, а к 15 августа 1920 г. — около 50 тыс., из них 7,5 тыс. коммунистов были направлены по партийной мобилизации, объявленной ЦК РКП(б) в феврале 1920 г. Рост партийных организаций шел, главным образом, за счет приема в партию наиболее сознательных железнодорожников. Однако, уже в начале мая 1920 г. Главполитпуть обратился в Оргбюро ЦК РКП(б) с предложением провести перерегистрацию коммунистов-железнодорожников и одновременно организовать при дорполитах партийные суды. В качестве обоснования необходимости этих мер было указано: «в целях очищения коммунистических рядов железнодорожников от невыносимых элементов»⁶⁷. Это предложение получило одобрение Оргбюро и было проведено в жизнь. В результате перерегистрации только на Рязано-Уральской дороге выбыло 40% коммунистов⁶⁸.

С марта 1920 г. стали стабильно издаваться секретные бюллетени информационно-инструкторского отдела Главполитпути. Они рассылались высшему партийно-хозяйственному руководству, редакторам центральных газет, руководству Главполитпути в центре и на местах, председателю ВЦСПС, руководству Главвода, Цекпрофсожа, председателям карательных органов, всего в 54 адреса к середине 1920 г. Среди получателей бюллетеней были Ленин, Троцкий, Дзержинский, Крестинский и др. Это были регулярные сводки о политических настроениях рабочих, работах на железных дорогах, субботниках и митингах. Специальный раздел бюллетеней содержал информацию о дисциплинарных взысканиях. Приведем лишь одно из таких сообщений: «Северные дороги. Московский район. — За время с 4 января по 6 марта с.г. подвергнуто аресту в дисциплинарном порядке 115 мастеровых, рабочих и служащих, в общей сложности на 694 дня (65 случаев за неявку, 50 случаев за нераспорядительность и халатность по службе и 1 случай за взятки). Продолжительность содержания под арестом 1-14 дней. Количество неявок с 65% упало до 41 %»⁶⁹. А на ст. Ртищево Рязано-Уральской ж.д. за первую половину апреля 1920 г. наказанию были подвергнуты все рабочие и служащие: 42% арестованы, 57% получили выговоры за неявку на работу и различные дисциплинарные проступки⁷⁰. На Сызрано-Вяземской дороге в течение июля дисциплинарные взыскания получили 868 человек⁷¹, а на Юго-Восточной дороге только за одну неделю в июле было 652 дисциплинарных взыскания⁷². Наиболее подробная информация имеется по Северной дороге. Там в апреле 1920 года Ревжелдортрибом было рассмотрено 37 дел, по которым осуждены 123 человека: 4 — расстрел, 44 — тюрьма, 12 — принудработы, остальные — более мягкие наказания. Кроме того, 705 человек получили дисциплинарные взыскания. В мае — 570 дисциплинарных взысканий. В июне — 587 и 18 чел. осуждены Ревжелдортрибом. В июле — 530 взысканий и рассмотрено 107 дел, по которым неизвестны меры наказания, кроме одного расстрела. В августе — 656 взысканий и 5 дел по Ревжелдортрибу. На Донецкой дороге только за август 1920 г. было назначено 1384 дисципли-

линарных взыскания". Около каждой железнодорожной мастерской и около депо стояли вагоны-тюрьмы, в которых железнодорожники отбывали наказания. К сожалению, данные о наказаниях, сообщавшиеся в бюллетенях, носят бессистемный характер: разная степень подробности и не всегда сопоставимые хронологические отрезки. Но все же они дают возможность представить масштабность репрессий.

Задаче любой ценой заставить работать транспорт был подчинен и профсоюзный аппарат. Цектран, созданный в сентябре 1920 г. на основе объединения союзов железнодорожного и водного транспорта, находился вне поля деятельности ВЦСПС. В его руководство входила почти вся коллегия НКПС во главе с Троцким. Деятельность Цектрана не носила самостоятельного характера и также была направлена на проведение крайней степени принуждения. Это было опытное поле для испытания принудительного принципа организации труда. О его эффективности можно судить по данным о количестве рабочих на железнодорожном транспорте. По подсчетам С.Г. Струмилина в 1920 г. их было вдвое больше, чем в мирное время, но в то же время чувствовалась острая нужда в рабочей силе⁷⁴.

Новое крепостное право

Принудительный труд, трудовая повинность стали главным принципом в использовании государством рабочей силы после победы революции. Он применялся в виде перебросок рабочей силы с одного предприятия на другое, отдельных трудовых мобилизаций рабочих и технических специалистов. Следующей степенью концентрации принуждения можно назвать милитаризацию различных отраслей народного хозяйства, создание трудовых армий. Одна из главных ролей в организации принудительного труда отводилась профсоюзам.

Вначале органы распределения рабочей силы довольно осторожно относились к применению принципа принуждения. Так, в резолюции совещания отделов распределение рабочей силы, проходившего 25-27 ноября 1918 г., было принято поста-

новление об использовании мобилизации определенных категорий рабочих только в крайних случаях⁷⁵.

Расширение советской территории в ходе военных действий Красной Армии и необходимость политической и экономического закрепления на ней требовали все больших вливаний рабочей силы. В начале 1919 г. уже ставилась задача поголовной мобилизации всего трудоспособного населения. Она получила закрепление в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б).

Отношение профсоюзных лидеров к этой проблеме было достаточно определенно продемонстрировано на заседании Пленума ВЦСПС 13 января 1919 г.

Во время обсуждения принципов переброски рабочей силы для работы Ижевского и Харьковского заводов были высказаны две позиции. С.А. Лозовский заявил, что можно не только мобилизовать рабочих, но даже объявить социальное крепостное право, но, по его мнению, нужно материально заинтересовать рабочих. А.З. Гольцман и В.В. Косиор высказались за принудительную переброску. Причем, их позиция основывалась не на конкретной ситуации, а носила теоретический характер. « Даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом. Это будет принудительным по отношению ко всему пролетариату... — заявил Гольцман. — Нужно пускать те заводы в ход, которые необходимы. Не стоит для этого останавливаться перед тем, что тысячи рабочих привыкли жить в Сестрорецком районе, не хотят переезжать в Харьковский»⁷⁶.

Метод переброски был основным для использования рабочих закрывающихся предприятий при пуске заводов на освобождавшихся территориях. Но в ряде случаев, профсоюзы стремились удержать кадры специалистов на месте. Такую политику, в частности, пытался проводить профсоюз текстильщиков. Он организовывал различные работы, даже не по специальности, для квалифицированных рабочих, чтобы при первой возможности вернуть их на производство⁷⁷.

Осуществлялись и временные переброски свободной рабочей силы, как правило, для использования на полевых работах. Так, крупная мобилизация рабочих была проведена летом 1919 г. Чтобы собрать хороший урожай в освобожденных от Колчака районах, в Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях, Советом Обороны было принято решение организовать переброску приблизительно 60 тыс. человек. За тысячи километров из центра России шли эшелоны с партиями рабочих, некоторые из них затем продолжали путь на баржах. И все же рабочие ехали охотно, так как имели возможность подкормиться и привезти немного продуктов домой. Они получали 50 руб. суточных, продовольствие на дорогу, а во время работы им выдавался хлебный паек в 1,5 фунта. Обратное можно было привезти 2 пуда хлеба.

В течение месяца на восток страны было переброшено 39 733 рабочих, дополнительно около 7 тыс. было мобилизовано из близлежащих районов. Самые крупные партии прибыли из Москвы (5542 чел.), Петрограда (5015 чел.), Иваново-Вознесенска (3260 чел.), Ярославля (2964 чел.), Твери (1950 чел.)⁷⁸. Значительное количество рабочих выехало из текстильных районов (Шуя, Кинешма, Серпухов, Кострома, Богородск и др.). Ход этой операции постоянно освещался на страницах «Правды» и после завершения уборки были подведены итоги ее организации. Оказалось, что несмотря на то, что места не только требовали, «но прямо вопили» о присылке большого количества рабочих, было немало случаев отказа продорганов от их приема. Так, Тверская партия в 1800 чел. не была принята в Уфе и отправилась обратно. В Мелекесе отказались от прибывшей тысячи рабочих. Примерно 230 чел., прибывших в Бугульму, также были отправлены обратно⁷⁴. Массовым явлением было и то, что из-за многосуточных задержек эшелонов в пути, нераспорядительности местных органов рабочие слишком поздно добивались до места назначения.

Путем трудовых мобилизаций восполнялся недостаток рабочих самых различных специальностей. Остро ощущалась и большая нехватка чернорабочих и сезонников. Вчерашние крестьяне, они разошлись по деревням, еще более усугубив

нехватку квалифицированных кадров. Большинство мобилизаций проводилось путем военных призывов мужчин определенного года рождения. В качестве трудармейцев они использовались на « бескровном фронте». Вместо этого в некоторых губерниях применялась обязательная разверстка по волостям. Например, чтобы получить 2 тыс. чернорабочих каждая из 200 волостей Ярославской губернии обязывалась к определенной дате выставить 10 человек. Волость отвечала за неявку десятка, была обязана пополнять убыль. Кроме того, на волостных органах лежала обязанность снабжать каждого мобилизуемого продовольствием и необходимыми инструментами. На практике одна мобилизация накладывалась на другую, сталкивались интересы военных и гражданских органов, создавалась взрывоопасная ситуация. «Особенно вредно действуют на население непланомерные и бессистемные мобилизации, - сообщалось Тюменским губвоенревкомом в ноябре 1919 г. - Вот краткий перечень возрастных групп, которые воинские части мобилизовали в районе нашей губернии: 1) от 30 до 40 лет, 2) от 18 до 43 лет, 3) от 18 до 45 лет. Такая пестрота мобилизаций, совершаемых по-разному, зачастую на территории одного и того же уезда (например, Тобольского, Челябинского и др.), создавала среди населения недовольство и ропот, а методики проведения мобилизации (например, обязательство являться на призыв в город при радиусе уездов в 400-500 верст) только усиливали это настроение»⁸⁰.

Доверие к трудовым мобилизациям подрывалось и соперничеством местных органов. Так, продорганы с помощью выдачи соли в качестве премий переманивали крестьян у топливных органов, а военные просто захватывали подводы. «Семена на участок Петра, Петра на участок Семена», — так говорили крестьяне об использовании трудмобилизаций для работы в совхозах.

К началу 1920 года стало очевидным скорое завершение гражданской войны и необходимость перехода всей машины советской власти на мирные рельсы. Свообразие момента виделось в том, чтобы по выражению Ленина, перейти «к военному решению задач хозяйственных», т. е ставилась задача

перенести опыт военного строительства на управление экономикой⁸¹. Отсюда настойчивое и решительное стремление Ленина побороть несогласие ВЦСПС и ВСНХ с переходом к принципу единоначалия в управлении вместо коллегиальности и многочисленные дискуссии о путях использования военного аппарата в экономике без потери при этом боеспособности. Нередко военный опыт решения тех или иных задач предлагалось без всяких оговорок внедрять в мирную экономику. Так, раздавались предложения превратить ВСНХ в ЧУСО по производству, а перед Наркомпродом поставить задачи: выжать и распределить.

Одной из главных задач, остававшихся в центре внимания партийного и хозяйственного руководства, являлась задача организации производства и обеспечение предприятий рабочей силой уже в мирных условиях. На протяжении 1920 года повсеместная практика принуждения как основа трудового процесса при социализме получила теоретическое оформление в выступлениях и опубликованных работах лидеров большевизма.

Л.Д. Троцкий в выступлении на III съезде профсоюзов заявил, что трудовая повинность неизбежно входит в программу социалистической организации труда и без нее немислимо плановое хозяйство. «И ни один серьезный социалист не станет отрицать за рабочим государством права наложить свою руку на того рабочего, который отказывается выполнять трудовой наряд». Говоря о роли профсоюзов, Троцкий отметил, что их задача, в частности, и в том, чтобы распределять, группировать, прикреплять отдельные категории и отдельных рабочих к своим постам, а не в борьбе за лучшие условия труда⁸². Н.И. Бухарин также не считал трудовую повинность мерой, продиктованной войной и экономической разрухой. «...По отношению к самому пролетариату принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.е. метод принудительной ускоренной самоорганизации»⁸³. — утверждалось в его книге «Экономика переходного периода»

Даже сравнительно широкие круги рабочего класса в переходный период носят печать капиталистического мира, поэтому, по мнению Бухарина, неизбежна принудительная

дисциплина, которая тем сильнее ощущается, чем менее революционен данный слой. Принуждение должно исчезнуть в бесклассовом обществе. При этом Бухарин приводил расхожий довод, что принуждение проводится в интересах большинства. Известна положительная оценка Ленина этой книги и его многочисленные высказывания о принудительном труде как практическом осуществлении коммунистического труда.

После выхода книги появились и резко критические оценки бухаринских взглядов. Так, один из старейших членов партии М. Ольминский обвинил Бухарина в отходе от марксизма, в выхватывании у Маркса отдельных фраз о насилии. В принуждении Ольминский видел не метод выработки коммунистического человечества, а акт самозащиты. «Конечно, было бы глупо и губительно для революции отрицать насилие и принуждение в период острой (явной или скрытой) гражданской войны»,⁸⁴ - признавал он. Во взглядах Бухарина, по мнению Ольминского, отразилось не только его личное видение, но и ошибочные настроения части партии к середине 1920 г.: увлечение властью; «что захотим, то и моментально сделаем». Ольминский назвал Бухарина ревизионистом слева, не считающимся с революционными возможностями.

Интересна оценка книги, данная А.В. Чаяновым. Он назвал ее крупным событием в научной литературе, которое нельзя оставить без внимания. По сути его мнение совпадало с мнением Ольминского: распад народного хозяйства вызван необдуманными, ненужными и необязательными мероприятиями большевиков⁸⁵.

С протестом против оскорбительного тона, в котором вел полемику Бухарин, выступила сестра Ленина А.И. Елизарова. «Грош цена была бы коммунистам, загнанным в коммунизм угрозой расправы»,⁸⁶ — заявила она по существу дискуссии.

И все же критики Бухарина не смогли поколебать его убежденности, что всякий, «кто осмеливается называть каторгой трудовую повинность при пролетарской диктатуре, тот просто-напросто — либерал, самый обыкновенный, самый ординарный»⁸⁷. Этой позиции он придерживался и при обсуждении конкретных вопросов.

Дискуссия вокруг вопросов мобилизации, выявившая различные подходы к экономической политике, состоялась на заседании комфракции ВЦСПС 12 января 1920 г. В ней участвовали Ленин, Троцкий, Бухарин, Рыков и др. Центром обсуждения явился доклад Троцкого «Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности». С критикой высказываний Троцкого выступили Рыков, Ларин, Томский. Систему мер, предложенную Троцким, Рыков назвал аракчеевщиной, «но еще худшего свойства». Он выступил против передачи управления промышленностью в военные органы. По его мнению, освобождающиеся от боевых действий военные части нужно демобилизовывать, а сокращение военных расходов использовать для улучшения положения рабочих: «За каждого демобилизованного солдата мы сможем накормить, одеть и обуть 3-4 рабочих»⁸⁸. Такую же позицию занимал Томский. Он заявил, что любой ценой должен быть создан реальный фонд заработной платы.

В выступлении Ленина содержалась острая критика членов Президиума ВСНХ. Он высказался за введение единоначалия. «Чем ребячеством заниматься, подумайте, что делать. Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: «я теперь знаю, что такое дисциплина». Ленин предложил использовать армию для уборки хлеба. Одним из его аргументов в пользу предложений Троцкого было и то, что железные дороги не в состоянии вывезти демобилизованных солдат»⁸⁴.

В итоге обсуждения комфракция не поддержала доклад Троцкого, одобренный Лениным, Бухариным, Ногиним и другими участниками. Дискуссия показала, что большинство в руководстве профсоюзов и ВСНХ в условиях перехода к мирной жизни пытались опереться на экономические методы хозяйствования — улучшение продовольственного положения рабочих, отстранение от народного хозяйства военных организаций. Руководство партии в лице Ленина, Троцкого, Бухарина делали ставку на чрезвычайные методы, по преимуществу военные, которые бы позволили справиться с дезорганизацией и

дали сравнительно быстрые результаты. Победила точка зрения Ленина и Троцкого.

Еще с 1919 года известны случаи эпизодического использования Красной армии для решения гражданских задач. В январе 1920 года в связи с ликвидацией сибирского фронта встает вопрос о преобразовании 3-й армии в 1-ю трудовую армию во главе с Троцким. После одобрения этого преобразования Политбюро ЦК РКП(б) Советом Обороны были подготовлены проекты создания Кубано-Грозненской, Украинской, Казанской и Петроградской трудовых армий. В конце января и начале февраля к хозяйственному строительству были привлечены Запасная армия и части 2-й армии, в марте — войска 8-й армии, а несколько позже и некоторые другие части. Одновременно создавались советы трудовых армий, которые стремились заменить областные хозяйственные органы, создавая трения с центральными ведомствами. Так, Троцкий сообщал в Москву в марте 1920 г. о необходимости создания в Сибири мощного областного центра, включающего представителей всех основных ведомств и являющегося «советским генерал-губернаторством»⁹⁰.

У каждой трудовой армии был определенный центр деятельности. У Украинской трудовой армии - шахты Донецкого бассейна, у Кавказской - нефтяная промышленность, у 2-й особой армии — железнодорожный транспорт в районе Юго-восточных железных дорог. Почти все трудовые армии в той или иной степени были на положении резервных и находились в подчинении военного ведомства и центрального руководства в области трудовой деятельности не имели. Преобладали работы, не требующие специальных навыков: очистка железнодорожных путей, ремонт путей и подвижного состава, погрузо-разгрузочные работы, заготовка и вывозка дров, угля; участие в сельхозработах. С началом боевых действий на Западном фронте многие трудовые части перешли на боевое положение.

После окончания гражданской войны трудовые части оставались в действии, перейдя в марте 1921 г. в ведение Наркомтруда. Постановлением СТО от 23 сентября 1921 г. численность трудчастьей была определена в 75 тыс. человек, из

них 60 тыс. закреплялось за топливными организациями и 15 тыс. — за НКПС. Причем, постановление констатировало, что в ближайшее время невозможно существование некоторых отраслей промышленности без применения труда трудармейцев⁹¹.

На заседании комфракции ВЦСПС 23 января 1920 г. были утверждены тезисы М.П. Томского по организации труда, по этим тезисам состоялось его выступление на III съезде совнархозов. Позиция Томского состояла в том, что трудовая повинность должна стать реальным фактом, но необходимым условием ее реализации в городах должно быть введение трудовых книжек. По его мнению, нужно обязательно запретить менять место работы без разрешения соответствующего органа управления.

Подготовительная работа по введению трудовых книжек в Москве была начата еще в ноябре 1919 г. Разработка порядка осуществления этого мероприятия была поручена административному отделу НКВД и МЧК. Процедура обмена паспортов на трудкнижки возлагалась на профсоюзы под руководством Моссовета. Трудовые книжки выдавались и иностранным гражданам.

На основе этих положений созданный в январе 1920 г. Главный комитет трудовой повинности взял в свои руки процесс обмена. Не случайно этот процесс длился так долго: заполнить многостраничный документ было непросто. Помимо паспортных данных (паспорт ликвидировался), были графы о грамотности, образовании, профессии, сведения о судимости, о занятиях в 1914 г. и в 1917 г., месте жительства в июле 1914 г., в октябре 1917 г., переменах в семейном положении, в имущественном и другие сведения⁹². Введение трудовых книжек позволяло взять на учет и контролировать все городское население, независимо от классовой принадлежности и организовывать массовые переброски и мобилизации рабочей силы.

Организация Главкомтруда завершила усилия государства по созданию жесткой системы поголовного привлечения к принудительному труду. Возглавил Главкомтруд Ф.Э. Дзержинский, в его состав входили персонально утвержденные СНК представители Наркомвоена, НКВД и Наркомтруда. Само

название этих ведомств свидетельствует о характере и назначении этого учреждения. С мая при Главкомтруде был введен пост представителя ВЦСПС

Помимо рабочего аппарата для **проведения** отдельных наиболее важных вопросов трудовой повинности при Главтруде в течение 1920 г. было образовано несколько чрезвычайных комиссий: комиссия по разработке вопроса об освобождении и отсрочкам гражданам, привлеченным к трудовой повинности, комиссия по рациональному использованию привлеченной в порядке трудовой повинности рабочей силы для приведения в нормальное санитарное состояние населенных пунктов России (Чрезкомздрав); комиссия по транспорту; топливно-гушевая комиссия и др.

Предпринимались попытки проводить трудовую повинность и за пределами России. Так, в Фергане специально устраивали митинги, чтобы собравшееся население привлечь к трудповинности, ловили на базарах, окружали мечети. В результате этого «проведения» в Фергане стало невозможно устроить какие-либо митинги и собрания, а киргизы Семиреченской области перестали приближаться к населенным пунктам. В итоге Турккомиссия ВЦИК приняла решение коренным образом переработать декрет о трудовой повинности⁹³

Свои особенности имело и проведение трудовой повинности на Украине. Для инструктирования местных коммунистов ЦК РКП(б) направил туда Ф. Дзержинского.

Оригинальный подход к использованию трудовых повинностей как средству сократить область применения денежных расчетов был высказан в июне 1920 г. на сессии ВЦИК⁹⁴.

Под началом Главкомтруда была создана огромная сеть местных органов. В центре внимания оказывались и очень мелкие «объекты». Так, на время навигации комиссии по трудовой повинности (комиструды) были организованы на каждом парусном, паровом, весельном судне, насчитывавшем не менее 10 человек команды⁹⁵. Для использования кустарей-одиночек, прислуги были организованы комиструды во всех кварталах Москвы. Для выявления трудовых дезертиров, " лежебоков, лодырей " и проч. предписывалось обходить квартиры и

учреждения в рабочие часы⁹⁶. "Честный гражданин, посмотри, сколько расплодилось паразитов на твоём теле — здоровых и крепких людей, которые торгуют разным хламом или ситром и квасом. Бери их за шиворот и веди в комиструд твоего квартала, в райкомтруд или в горкомтруд, там дадут им работу, заставят их трудиться на общее благо",⁹⁷ — такой призыв был помещен в печатном органе Москомтруда.

В июне 1920 г. Москомтруд принял решение о привлечении к трудовой повинности дачников по месту их нахождения. Несмотря на страдную пору, с 25 июня была объявлена гужевая повинность для крестьян Московской губ. Они должны были на своих лошадях обеспечить подвоз дров, заготовленных в 30-верстной полосе, к станциям. За уклонение или противодействие им грозили конфискацией лошадей и коров.

Не полагаясь только на сознательность граждан, комитеты труда проводили массовые облавы, используя милицию и военный гарнизон. Так, в облаве, проведенной в Москве в начале октября 1920 г., участвовали 7 тыс. человек. В каждом районе были организованы особые тройки⁹⁸.

В недрах Главкомтруда рождались и весьма оригинальные проекты привлечения к принудительному труду. Например, был разработан проект о замене народам крайнего севера, ведущим полуоседлый образ жизни, службы в армии. Предлагалось привлечь их к организации оленьей почты, оленьего военного транспорта, для подвоза топлива к населенным пунктам и железной дороге.

Заготовки дров, гужевая повинность, как правило, не обходились без применения вооруженной силы. В некоторых местностях крестьяне выносили постановления об отказе от выполнения повинностей и заставить их изменить свое решение можно было только силой или угрозой конфискации лошадей. Главкомтрудом в декабре 1920 г. была разработана специальная инструкция о порядке предоставления вооруженной силы местным органам труда⁹⁹. Общее количество вооруженной силы не должно было превышать 30 человек на уезд. Если же обстоятельства требовали большего количества войск, могли быть выделены дополнительные силы по приказу командира

ВНУС. На практике вооруженной силы всегда требовалось значительное число. Так, председатель Вологодского губкомтруда обратился в декабре 1920 г. в штаб Беломорского военного округа с просьбой прислать вооруженные отряды в 200 красноармейцев в дополнение к имеющимся на месте 170 красноармейцам¹⁰⁰.

Много усилий прилагалось Главкомтрудом к организации планового использования труда заключенных в лагерях и военнопленных. По неполным сведениям отдела управления лагерями общее количество заключенных, военнопленных и заложников к марту 1920 г. составляло 22 447 чел., из них в Москве находилось 4134 чел. В апреле ожидалось прибытие еще 30 тысяч военнопленных¹⁰¹. Предполагалось использовать их путем прикрепления к хозяйственным органам, например, Москвотопу, которые могли бы обеспечить их помещением и продовольствием.

На протяжении 1920 г. массовый характер получило выполнение различных общественных работ через субботники. Как правило, субботники проводились для разгрузки вагонов, распилки дров, для ремонта вагонов и паровозов. Общеизвестно, что именно в депо Москва-Сортировочная произошел первый субботник. Стали хрестоматийными и строчки В. Маяковского: «свободный труд свободно собравшихся людей». В действительности, как зафиксировано в положении ЦК РКП(б), субботники являлись одной из форм пропаганды идеи трудовой повинности, лабораторией форм коммунистического труда. Для работы на субботниках были разработаны специальные нормы выработки. Освобождались от участия в субботниках лица моложе 16 лет, беременные и кормящие матери, освобожденные по болезни от трудовой повинности и ответственные лица¹⁰².

Одна из главных функций Главкомтруда, которая определяла все его действия, являлась организация учета. На учет брались специалисты самых разных профессий, периодически объявлялись трудовые мобилизации по профессиональному принципу. Так, в начале октября 1920 г. было принято решение о проведении в осенне-зимний сезон трудовой мобилиза-

ции 160 тыс. квалифицированных и до 300 тыс. неквалифицированных рабочих для предприятий ВСНХ и Наркомпути¹⁰³. Но даже прибытие на завод пополнения зачастую не ликвидировало нехватку рабочих. Так, из 3337 человек, приехавших на Ижевский оружейный завод осенью 1920 г., осталось только 1022 человека, остальные по состоянию здоровья были отправлены назад¹⁰⁴.

Одной из периодических мобилизаций являлась мобилизация мужчин и женщин для работы на Астраханских промыслах. В рамках этой мобилизации осенью 1920 г. в Астрахань была направлена группа женщин-членов партии из Саратовской и Владимирской губ. Мобилизованные на весеннюю путину, они прибыли в Астрахань только в октябре, когда работы уже не было. О положении, в котором оказались мобилизованные, рассказывалось в письме представительницы губкома. Она сообщала в ЦК РКП(б) о том, что все они разуты и полуодеты, получают паек 1 ф. хлеба и 2 ф. рыбы и чтобы прокормиться, продают последнее, что у них есть. Астраханский губком принял решение задержать мобилизованных до новой путины, т. е. на полгода¹⁰⁵. А среди приехавших, как сообщалось в письме, большинство составляли женщины, оставившие дома детей. Но чтобы вернуться им нужно было получить разрешение ЦК партии.

Где бы ни работали трудармейцы или мобилизованные, везде были большие трудности с жильем, продовольствием, одеждой. В большинстве случаев, организация труда тоже оставляла желать лучшего. Принудительный труд, встречая противодействие со стороны рабочих и крестьян, мог держаться только на вооруженной силе, сопровождался низкой производительностью труда, массовым дезертирством.

Примечания:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 333; Т. 3. С. 542.
2. Там же. Т. 16. С. 9.
3. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964. С. 16.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 197.

5. *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.
6. *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 398.
7. Подробнее см. Мау В.А. Реформы и догмы 1914-1929. М., 1993.
8. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 43-44.
9. Там же. С. 451-452. «Человек с ружьем» — любимая фигура в теоретических построениях Ленина о строительстве первой фазы коммунизма: сломать вдребезги государственную буржуазную машину и заменить ее государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс. Заменить капиталистов и чиновников вооруженными рабочими в контроле над производством, в распределении, в учете труда и продуктов. Что же касается персонала инженеров, агрономов и др., то они, по мнению Ленина, будут работать еще лучше, подчиняясь вооруженным рабочим. (Там же. Т. 33. С. 100-101).
10. Там же. Т. 32. С. 75-76. «Новое» Временное правительство — первое коалиционное Временное правительство, в которое по соглашению с исполкомом Петросовета вошли представители эсеров и меньшевиков — 6 министров-«социалистов».
11. VI съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 150-154.
12. Там же. С. 157.
13. Там же. С. 160.
14. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 174, 428.
15. Там же. С. 429.
16. Протоколы Президиума ВСНХ. Декабрь 1917-1918 г. Сб. док. М., 1991. С. 84.
17. *Аникст А.* Организация распределения рабочей силы. Статьи и доклады за 1918-1920 гг. М., 1920. С. 38, 42.
18. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 87. Л. 52.
19. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 31. Л. 21-22.
20. *Аникст А.* Указ. соч. С. 67.
21. Известия ВЦИК. 1919. 25 мая.
22. *Аникст А.* Указ. соч. С. 68.
23. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 87. Л. 52.
24. Там же. Д. 218. Л. 60 об.
25. Труды I съезда совнархозов. М., 1918. С. 382.
26. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 228. Л. 46.
27. *Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913-1922 гг. М., 1923. С. 28.
28. Труды I съезда совнархозов. С. 383.
29. Там же.
30. *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 20.
31. Отчет ВЦСПС за 1919 г. М., 1920. С. 193.

32. РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16 Л. 301.
33. Экономическая жизнь. 1920. 7 ноября
34. *Струмилин С. Г.* Кризис недопроизводства рабочей силы //Экономическая жизнь 1920 9 октября
35. Известия ВЦИК. 1918 29 ноября
36. РГАЭ Ф 3429 Оп. 1 Д. 853 Л. 7
37. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36 С. 217, 146, 374, 144-145
38. ГАРФ Ф 5451. Оп. 2 Д. 325. Л. 5.
39. Декреты Советской власти. Т. 7. С. 274.
40. ГАРФ Ф 5451. Оп. 3. Д. 29. Л. 280.

41. Там же. Оп. 4 Д. 130 Л. 34.
42. Там же Д. 113 Л. 43
43. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 225.
44. РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 20. Л. 131.
45. ГАРФ. Ф. 5459. Оп. 2. Д. 80. Л. 43.
46. Известия ВЦИК. 1919. 18 апреля.
47. РГАСПИ. Ф. 111 Оп. 22. Д. 91. Л. 140.
48. Известия ВЦИК. 1920. 12 февраля.

49. РГАСПИ Ф. 111 Оп. 22 Д. 91 Л. 136 об.
50. Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 500. Л. 7

51. Известия ВЦИК 1919. 24 декабря
52. Там же. Д. 82. Л. 18.
53. Там же. Ф. 17. Оп. 112 Д. 25 Л. 4,28
54. Там же. Д. 42. Л. 32

55. Там же.
56. *Краус Т.* Советский термидор . Духовные предпосылки сталинского переворота . 1917-1928. Будапешт, 1997. С. 67.
57. РГАСПИ Ф. 17 Оп. 112. Д. 25. Л. 2 об.
58. Там же. Ф. 634. Оп. 2 Д. 21 Л. 2.
59. Там же. Л. 1 об.
60. Там же Ф. 111 Оп. 22 Д. 443. Л. 796.
61. Там же Ф. 11. Оп. 22 Д. 82. Л. 25; Известия ВЦИК 1920 11 февр.
62. Там же Д. 782. Л. 11 об.
63. Там же. Д. 442 Л. 2
64. Там же Д. 18. Л. 74
65. Там же. Д. 82. Л. 10
66. Там же. Д. 782. Л. 5, 23 об
67. Там же Ф. 17 Оп. 112 Д. 27 Л. 4
68. Там же Ф. 634. Оп. 2 Д. 21 Л. 107.
69. Там же. Ф. 17 Оп. 65 Д. 500 Л. 8
70. Там же. Ф. 634 Оп. 2, Д. 21. Л. 27
71. Там же Ф. 111 Оп. 22 Д. 443 Л. 88

72. Там же. Ф 634 Оп. 2. Д. 21 Л. 51
73. Там же Ф. 111. Оп. 22 Д. 443. Л. 216
74 Там же Ф. 17 Оп. 112 Д. 85 Л 56
75. Бюллетень Наркомтруда . 1918. № 7. С. 23
76. ГАРФ. Ф 5451 Оп. 3. Д. 27. Л. 2.
77 Отчет ВЦСПС за 1919 г. С. 200
78. *Аникст А.* Указ.соч. С. 88, 89
79 Правда. 1919. 16 октября.
80. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66 Д. 42. Л. 108 об.
81. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 105.
82. *Троцкий Л. Д.* Соч. Т. 12. М.-Л., 1925. С. 136,137.
83. *Бухарин И. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989
168.
- 84 Красная новь 1921 № 1 С 250
85 Там же. С 272.
86. Народное хозяйство 1921. № 8-9. С 228
87 Красная новь. 1921 № 1. С. 269.
88. РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
89. Там же. Л. 13.
90. Там же. Ф . 17 Оп . П2 Д. 14. Л 77
91 ГАРФ. Ф 481. Оп . 1 Д 10 Л 49
92. ЦА ФСБ РФ Ф.1 Оп. 3 Д. 62 Л 83-90.
93. РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 112 Д. 103. Л. 28об
94. Там же. Ф. 94. Оп. 2. Д. 30. Л. 63.
95. ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 1. Л. 81
96. Там же. Л . 168.
97. Там же .Д. 392. Л . 12
98 Там же. Д. 391. Л. 36
99. Там же .Д. 128 Л . 7.
100. Там же. Л . 19.
101. Там же .Л . 17 об
102. Там же. Д. 30. Л 23
103. РГАСПИ. Ф . 17 Оп. 112. Д. 74. Л. 168.
- 104 Там же. Д. 102. Л. 45
105 Там же. Д. 100. Л. 68

